

века, Виктор Гюго довольно точно описал инструментарий, применявшийся алхимиками. Лишь некая атмосфера «запретности» наложилась на реальные факты. Молодой Виктор Гюго, которому в момент публикации его романа исполнилось двадцать девять лет, не довольствовался простым чтением трудов по алхимии, штудированием старинных книг и манускриптов - он непосредственно общался с людьми, которые еще в начале XIX века верили в возможность реализации Великого Делания. Он хорошо знал, в частности, современного ему алхимика Камбриеля, от которого и позаимствовал обстоятельные легендарные сведения, связывающие собор Нотр-Дам-де-Пари (собор Парижской Богоматери) с тайной алхимической традицией.

Процитируем еще один пассаж:

«Всякий мог заметить... что он [Клод Фролло] часто просиживал часы напролет на паперти, всматриваясь в скульптуры портала... вычисляя угол, под которым смотрит ворон с левой части портала, устремляющий свой взгляд на то таинственное место в соборе, где, определенно, спрятан философский камень...»

Так что же такое алхимия?

По расхожему определению, это - баснословное, но тем не менее почитавшееся некогда реальным искусство превращения посредством столь ревностно хранившихся в секрете способов свинца в золото, одним словом, искусственное изготовление благородного металла. И мы тоже будем исходить из этого традиционного понимания алхимии, лишь дополняя и исправляя его по мере надобности.

Живописные полотна и гравюры, изображающие алхимиков, занятых «деланием» в своих лабораториях, весьма многочисленны, причем некоторые из них достаточно известны (например, произведения Тенирса). И все же они относятся к более позднему, нежели Средние века, времени, появившись в эпоху Ренессанса и получив распространение в последующие столетия. Если картины, наиболее поздние по времени, весьма фантастичны, то полотна XVI и даже XVII века, как правило, достаточно точно отображают реальность. Можно считать, что, несмотря на сдвиг во времени, они дают точный образ колоритной обстановки, в которой разворачивалась деятельность средневековых алхимиков.

Среди редких иконографических документов, восходящих к Средним векам (да и то к концу этого периода), упомянем рисунок в рукописном «Ординале» (XV века), принадлежавшем английскому адепту.[7]

Нортону и хранящемся ныне в библиотеке Британского музея: на нем изображены алхимик и два его помощника, причем фигуры последних вдвое меньше по сравнению с мастером - зримое выражение субординации.

На протяжении всего Средневековья и даже раньше рукописные трактаты алхимиков были весьма многочисленны. Точная датировка большинства из них представляет собой серьезную проблему для историков, однако в некоторых трактатах авторы точно указывают время и место завершения труда. Так, в последних строках «Источника любителей науки», труда алхимика, родившегося в Валансьене, но творившего в столице Лангедока, мы читаем:

Свершил, с охотою приверженный к трудам,
Когда уже не юн я по летам,
В год тысяча четыреста тринадцать,
Когда исполнилось мне дважды по шестнадцать,
А в месяце то было январе,
Во славном граде Монпелье.

Имя сего адепта - Жан де ля Фонтен, возможно, представитель семейства, из которого позднее выйдет знаменитый баснописец. Он занимал судебскую должность (на